

А. Н. Резанова

ИГРОВОЙ АСПЕКТ ДИСФЕМИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КАРНАВАЛИЗАЦИИ

Работа представлена кафедрой английской филологии.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М. В. Никитин

Статья посвящена изучению одной из наиболее загадочных функций явления дисфемии – игровой функции. Этот аспект дисфемизации речи рассматривается в предложенной статье в тесной связи с теорией карнавализации, предложенной М. М. Бахтиным в его книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья». Автор проводит сравнительный ана-

лиз средневекового карнавала и современной «карнавализации» языка, выражающейся в употреблении дисфемизмов.

The article is devoted to the in-depth study of the most mysterious function of dysphemy – function. This aspect of the dysphemisation of speech is considered in the article in a close connection with the theory of carnivalization, offered by M.M. Bakhtin in his work «The arts of Francois Rable and folk culture of the Middle age». The author gives a comparative analysis of the medieval carnival and modern «carnivalization» of the language, expressed in the usage of dysphemisms.

Дисфемия – явление социально, психологически и лингвистически настолько многоплановое, что адекватный анализ ее возможен лишь на широком фоне духовной деятельности человека. В свою очередь духовная жизнь человека напрямую связана с психологическими параметрами. Хорошо известно, что процесс говорения включает в себя и процесс мышления. И здесь для исследователя представляется важным указать на возможные причины, приводящие к нарушению нормы. Что заставляет образованных, культурных людей прибегать к лексике сниженного стиля, чаще всего заведомо зная, что последствия могут быть не в их пользу?

Одной из причин, а также выполняющая роль самостоятельной функции, является игровая функция. Давно известно, что особый вид деятельности человека составляет игровая деятельность, именно в ней человек самостоятельно устанавливает правила, но тем не менее игра ведется в мире реальном, который уже живет по определенным правилам, сформулированным на протяжении развития цивилизации.

В действительности, если рассматривать процесс порождения речи на максимально глубинном уровне, то мы приходим к выводу, что в нарушении установленных обществом правил человек подвергается влиянию неких игровых, «чертовских» начал. Подобное господство чувственного над разумным описывал М. М. Бахтин в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья», в которой он развил понятие «карнавализация». Суть заключается в следующем: в

средневековой Европе различные праздники карнавального типа занимали большое место. Помимо карнавалов как таковых справлялись особые праздники, носившие названия: «Праздник дураков» и «Праздник осла». Также практически каждый церковный праздник имел свою «народно-площадную смеховую сторону». Чаще всего это были ярмарки и народные увеселения с участием великанов, карликов, уродов, «ученых» зверей.

М. М. Бахтин выделяет следующие формы выражения народной смеховой культуры:

1. Обрядово-зрелищные формы (праздники карнавального типа, различные площадные смеховые действия).

2. Словесные смеховые (в том числе пародийные) произведения: устные и письменные, на латинском и на народных языках.

3. Различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва и пр.)¹.

На гражданских праздниках шуты и дураки были неизменными участниками – они пародировали различные моменты серьезного церемониала. Подобные шуточные церемонии были широко распространены во всех средневековых странах Европы. Таким образом, обрядово-зрелищные формы разделяли мир на «серьезный, официальный – церковных и феодально-государственных – культовых форм и церемониалов и второй мир или вторую жизнь»². «Они давали совершенно иной, подчеркнутый неофициальный, внецерковный и внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений; они как бы строи-

ли по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, к которым все средневековые люди были причастны, в которых они в определенные сроки жили»³. Соответственно, М. М. Бахтин вводит понятие «двумирности»⁴, описывающее игровую ситуацию карнавализации.

Важно отметить, что на ранних стадиях развития человеческого общества в доклассовом и придогосударственном общественном строе серьезный и смеховой аспекты мира были, как отмечает М. М. Бахтин, одинаково официальными, имели равный социальный статус⁵.

Применительно к дисфемии также существует гипотеза, что в условиях первобытно-общинного и родового строя выражения, в настоящее время имеющие статус вульгаризмов, в те времена содержали положительную оценку, а многие из них являлись приветствиями. Но с развитием классовых отношений на язык и определенные его номинационные средства налагались ограничения и запреты, и тогда карнавалы давали игровую возможность освободиться на время от тягот непреложного мира, его жестких правил и запретов. Что же осталось от этого современному человеку? Как в нынешних условиях непрерывного стресса и напряжения дать какую-то, хотя бы временную игровую разрядку психике? Ответ достаточно очевиден – словесно-языковые игры с допущением в речь дисфемизмов на условиях времени, невсерьез отмены их оценочных значений. Приведем пример, демонстрирующий сказанное выше: «Maybe you should have been talking with Henry Ford rather than with this professional arse-licker»⁶. Говорящий является агентом по продажам в компании Ford и рекламирует потенциальным клиентам новую модель автомобиля. Используя вульгаризм «arse-licker», он высмеивает, подшучивает над своим напарником, который чересчур расхваливает машину.

Исследования сущности карнавальных игр средневековья помогает в анализе про-

явлений «карнавальности» в современном мире. Средневековому карнавалу было свойственно переключение с высокого, идеального, духовного на низкий, телесный уровень. Снижение это означало «приобщение к профанному, земному началу». Имеет место как бы некое праздничное помрачение, безумие, основной формой которого была пародия, а эстетикой – выход на авансцену безобразного и запрещенного. Важным также является понятие карнавальной свободы, вседозволенности. «Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха»⁷. Это замечание представляется чрезвычайно важным, ведь именно благодаря ему можно говорить об истинно игровой функции дисфемии, не подразумевающей никакой агрессии, гнева или фрустрации. Дисфемизмам, выполняющим игровую функцию, свойственен шуточный характер, они будто разряжают официальную обстановку и часто способствуют установлению положительного контакта между коммуникантами. Этому способствует еще одно обстоятельство, связанное и с карнавалами: «Особо важное значение имела отмена во время карнавала всех иерархических отношений. ...на карнавале все считались равными. Здесь – на карнавальной площади – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения»⁸. Действительно, в игровой дисфемии стираются границы статусов, гендеров, возрастов. Подобное равенство или даже «братание» во многом отражается и на реакции оппонента: если последний готов принять правила «игры», то направленный на него дисфемизм не вызовет отрицательную оценку, напротив, этот игровой дух может быть подхвачен и реализован в собственной речи.

Важным в этих празднествах являлось и раздвижение границ допустимого, свобо-

да и возможность делать то, что запрещено в обычной жизни. Такое творчество создает принципиально новый уровень действительности, который отличается от исходного, принятого социумом высоким уровнем свободы и, как неизбежное следствие, пренебрежением к официальной морали. Особенно интересным представляется то, что свобода наполняла те сферы жизни, где в реальности ее нет. В свою очередь эта раскрепощенность выливалась в высмеивание жизни повседневной с ее серьезностью и жестким ригоризмом с напыщенностью. Все карнавальные формы внецерковны и внерегионозны – они принадлежат к игровой, театрално-зрелищной форме бытия. В отличие от официального церковного или государственного праздника, где всегда подчеркивался статус его участников, в карнавале все были равны, т. е. господствовала утопическая идея всеобщего равенства и веселья.

Естественно, нельзя напрямую однозначно связывать дух карнавализации с образованием и употреблением дисфемизмов в современном английском языке, но указанный выше дух карнавала безусловно способствовал появлению и распространению рассматриваемого языкового явления.

Еще одним общим в характере карнавальных обрядов и дисфемизмов является то, что и те и другие лишены своего магического и сакрального характера. Наибо-

лее очевидно эта тенденция прослеживается в ранее упомянутом лексическом разряде теологических дисфемизмов, употребляя которые человек будто освобождается от религиозных условностей и хочет казаться независимым от всего сакрального. «*Today raised his glass and spoke a tribute appropriate for such a gathering of jocks. To our beloved new leader, Jason Gilbert, ace racket-man and incomparable ass-man. May his shots in court drop as often as his shorts in bed*»⁹. Студенты Гарвардского университета празднуют избрание своего приятеля капитаном сборной университета по теннису и в такой шуточной, ироничной форме, построенной на использовании дисфемизмов *ass-man* и *shorts* (значение последнего: *to have urgent need to urinate or defecate*) поздравляют друга.

Итак, необходимо условиться, что наиболее значительным аспектом в выделении игровой функции дисфемизма является особенное психологическое состояние говорящего, обязательно включающее в себя эмоциональные переживания того или иного свойства. Связь с дисфемией возникает на почве перемены оценочного знака: прославление не ума, а глупости; не добродетели, а пороков; не священного, почитаемого, а профанного. Отсюда и соответствующая лексика – дисфемистические обозначения прославляемого, празднуемого, низменного, дурного. Именно они позволяют людям на какой-то момент освободиться от пут строгих общественных условностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1990. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ *Ayto J.* Oxford Dictionary of Modern Slang. London, 1995. С. 145.

⁷ *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 13.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ *Segal E.* The Class. New York, 1986. С. 95.